

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82.3: 82.93: 82.0

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-8

EDN: DEEDNG

Структура сюжетного сценария «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина в аспекте художественной картины мира

Сергей Михайлович Шаврыгин

Доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия». 129090, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14
svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Аннотация. В статье рассматриваются источники и структура сюжета «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, его функция в формировании художественной картины мира произведения. Структура сюжета анализируется с точки зрения лингвокогнитивного и семиозстетического подхода, выявляются основные фреймы и сцены, архитектура текстового когнитивного сценария и предлагается его интерпретация в плане выявления концептологических смыслов. В. Г. Белинский первым придал значение качествам сюжетного построения сказки. Эти качества явились свидетельством новаторства поэта, переосмысления принципов фольклорной нарративности, поиска совершенно новых законов повествовательной структуры, нового понимания референтного события, осмысленного как сюжетно-фабульное развертывание художественной концепции произведения. Сюжетная матрица связана с семантикой «выкупа», в рамках которой формируются взаимоотношения трех основных персонажей сказки. В рамках этой семантики формируется структура сюжетного сценария, начиная с исходной ситуации (зачина), и далее в сюжетных сценах, логика чередования которых создается по законам рекурсивного (кумулятивного) скрипта, раскрываются взаимоотношения актантов и семантическое развертывание основного концепта. Простой и универсальный рекурсивный принцип построения фабулы позволяет в психологическом и этическом ключе наглядно показать коренные и вечные проблемы человеческого поведения и отношения к окружающему. Пушкину важно абсолютно разделить персонажей, выявить их противоположный нравственный статус, благодаря чему нарастающий драматизм приводит к финальной «катастрофе». Троекратное повторение основного события репрезентирует переход онтологических границ, за последним из них должно последовать inferнальное событие полной перестройки мироздания, целостность которого оберегают сверхъестественные силы, что превращает сказку в нравственно-философскую притчу.

Ключевые слова: жанр; сюжет; фабула; фрейм; скрипт; когнитивный сценарий; рекурсивность; нарратив; А. С. Пушкин; литературная сказка

Для цитирования: Шаврыгин С. М. Структура сюжетного сценария «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина в аспекте художественной картины мира // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 8–15. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-8>. <https://elibrary.ru/DEEDNG>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

The structure of the plot in A. S. Pushkin's The Tale of the Fisherman and the Fish in terms of the artistic picture of the world

Sergey M. Shavrygin

Doctor of philological sciences, professor at the department of philology, Moscow financial and industrial university Synergy. 129090, Moscow, Meshchanskaya str, 9/14
svrg_55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

© Шаврыгин С. М., 2024

Abstract. The article investigates the sources and structure of the plot in A. S. Pushkin's *The Tale of the Fisherman and the Fish*, its function in shaping the poetic world of the work. The structure of the story is analyzed from the point of view of the linguistic-cognitive and semiotic-aesthetic approach. The author identifies the main frames and scenes, the architectonics of the textual cognitive scenario and interprets it in order to reveal its conceptual meanings. It was V. G. Belinsky who first emphasized the qualities of the plot structure in the fairy tale. These qualities were evidence of the poet's innovation, reinterpretation of the folklore narrative principles, the search for completely new laws of constructing a narrative, a new understanding of the referential event as developing the literary concept. The plot matrix is connected with the semantics of «ransom», which forms the relationships of the three main characters in the fairy tale. The structure of the narrative is formed within the framework of this semantics, starting from the initial situation (the introduction), and further in the narrative scenes, the sequence of which is created according to the laws of recursive (cumulative) script; the interrelations of actants and the semantic development of the main concept are described. The simple and universal recursive principle of constructing the plot helps to illustrate the fundamental and eternal problems of human behavior and attitude to the world around in terms of psychology and ethics. It is important for Pushkin to separate the characters completely, to reveal their opposing moral status, thanks to which the increasingly growing drama leads to the final «catastrophe». The threefold repetition of the main event represents the transition of ontological boundaries, the last of which must be followed by the infernal event of completely restructuring the universe, whose integrity is protected by supernatural forces, which turns the fairy tale into a moral and philosophical parable.

Key words: genre; plot; story; frame; script; cognitive scenario; recursiveness; narrative; A. S. Pushkin; literary fairy tale

For citation: Shavrygin S. M. The structure of the plot in A. S. Pushkin's *The Tale of the Fisherman and the Fish* in terms of the artistic picture of the world. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(2):8–15. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-8>. <https://elibrary.ru/DEEDNG>

Введение

Сказки Пушкина построены на основе двух устойчивых, повторяющихся архетипических ситуаций: изгнание истинного героя, его поиски и возвращение (характерна для волшебных сказок с чудесными мотивами) и использование другого человека либо волшебного существа в корыстных целях для эксплуатации его физических и духовных сил (характерна для новеллистических и некоторых волшебных сказок из группы «Чудесный помощник»). Вторая ситуация определяет «Сказку о попе и работнике его Балде» (1830) и «Сказку о рыбаке и рыбке» (1833). Последняя примыкает к предыдущей по характеру своих источников. Если литературный сюжет о попе и работнике Балде близок к народным сказочным новеллистическим историям об одураченном черте, о хозяине и работнике, то в фабуле пушкинской сказки о рыбаке и рыбке используются мотивы как фольклорных волшебных сказок, так и народных анекдотов о супругах, при этом традиция народных новеллистических нарративов является не менее существенной для реализации художественного замысла автора.

Одним из первых «Сказку о рыбаке и рыбке» оценил В. Г. Белинский, придавая особое значение «крайней простоте и естественности рассказа» [Белинский, 1953, т. 2, с. 82], выделяя ее «выражение, рассказ» как воплощение не народного, а индивидуального таланта поэта [Белинский, 1953, т. 2, с. 576]. Критик точно подметил, что

именно Пушкин предложил новаторские «способы введения „чисто” литературных элементов в структуру произведений, обращенных к фольклору» [Березкина, 1995, с. 139]. Белинский выделил едва ли не главное в жанрово-стилистической структуре пушкинского текста – переосмысление принципов фольклорной нарративности, поиски совершенно новых законов повествовательной структуры, новое понимание референтного события, осмысленного как сюжетно-фабульное развертывание художественной концепции произведения. Именно в этом направлении двигалась мысль поэта, о чем свидетельствует история создания произведения. «Под оболочкой фольклорной традиции в пушкинской сказке обнаруживаются законы иной повествовательной структуры. Эти скрытые „отклонения” от фольклорной нормы, постепенно накапливаясь, в конце сказки приводят к сюжетному ходу, в фольклорном изложении совершенно невозможному» [Медриш, 1987, с. 105].

Как обосновал М. К. Азадовский, основываясь на указаниях Н. Сазонова и Н. Ф. Сумцова, в своей сказке Пушкин следует немецкому тексту «О рыбаке и его жене» № 19 из сборника братьев Гримм [Азадовский, 1936, с. 138–139]. Впоследствии это мнение стало общепризнанным [подробнее об этом см.: Макогоненко, 1982, с. 133], так же как и то, что поэт воспроизводит сюжет не вполне точно, уменьшая количество «желаний» своей старухи, тем самым не только убирая «лишние» эпизоды, но и формируя оригинальные

принципы сюжетной динамики и определяя ее функции в формировании индивидуальной художественной картины мира, ее концептуального сценария [см.: Непомнящий, 1983].

Методы исследования

Художественная картина мира как эстетический феномен, являющийся «сферой постигнутых автором сущностей и запечатленных им (интуитивно или осознанно) смыслов» [Хализев, 2004, с. 183–184], проецируется в текстовый материал как внутреннее содержание. Репрезентирующие его когнитивные структуры (концепт, фрейм, сцена, сценарий и др.) «обобщенно можно определить как организованные структуры представления знаний, возникающие в результате схематизации опыта и предопределяющие наше восприятие окружающей действительности» [Маслова, 2014, с. 39]. Такие структуры, как сцена, сценарий, соотносимые с крупными компонентами художественной организации текста (сюжетом, фабулой, сюжетной ситуацией), «осмысливаются в традиционной филологии нарратологией» [Маслова, 2014, с. 39].

Нарративная стратегия всегда указывает на двоякую функцию синтеза «аспектов наррации: референтного (рассказываемого) и коммуникативного (рассказывания)», обращенного одновременно на риторическую картину мира, в рамках которой мыслятся события, и на адресата, от чего зависит модальность общения [Тюпа, 2010, с. 145].

Референтная (сюжетная) наррация подвергается такому процессу, как «эпизодизация событийности бытия, раздробление цельности происшедшего на систему эпизодов» [Тюпа, 2010, с. 144]. Эти эпизоды и представляют собой концептуальные структуры (фреймы, сцены, сценарии), образный, информационный, интерпретативный потенциал которых предопределяет смысловую наполненность текстового мира произведения. «Пушкинская смысловая парадигма образуется не словами, а образами-моделями, имеющими синкретическое словесно-зрительное бытие, противоречивая природа которого подразумевает возможность не просто разных, а дополнительных (в смысле Н. Бора, то есть одинаково адекватно интерпретирующих и, одновременно, взаимоисключающих) прочтений» [Лотман, 1996, с. 116]. Важно иметь в виду такую особенность скрипта сказки Пушкина, как рекурсивность, направленную на когнитивную способность разбирать, анализировать встроены в центр повествования рекурсии, что влияет на скорость и качество интерпретаций сюжета [Feodor Anna, 2002].

Результаты исследования

В русской традиции находятся новеллистические нарративы, с которыми можно сблизить сюжетное развертывание «Сказки о рыбаке и рыбке», например, «555 Коток золотой лобок (золотая рыбка, чудесное дерево): исполняет все желания жены бедного старика (хороший дом, важный чин и т. д.); когда она выражает желание стать богородицей (морской царицей), все пропадает и старик вновь возвращается к старой лачуге». Отчасти «507С* Рыба-Счастье: парень ловит рыбу, которая обещает быть его Счастьем», но дальше состав событий отличается от пушкинской фабулы [Сравнительный указатель сюжетов..., 1979, с. 144, 157]. Все эти фольклорные сюжеты относятся к типу волшебных сказок с чудесным помощником. По структуре текста они близки кумулятивным народным анекдотам о супругах, однако принципиальное отличие заключается в том, что супруги волшебных сюжетов, как отмечает большинство исследователей, либо действуют заодно, либо вместе пользуются дарами чудесного помощника. Превращая народный сюжет в литературный, одновременно Пушкин путем небольших изменений приближал фабулу сказки к русской действительности и народному духу. Поэт упростил сюжет, удалив два желания старухи (быть римскою папою и требование божественной власти), удалил указание на то, что рыба – это заколдованный принц, ввел новый мотив «разбитого корыта», а главное для нас – вместо рыбка-камбалы ввел образ золотой рыбки. Именно она стала основным носителем чуда, понятого чисто по-русски, не просто как волшебное, а необъяснимое, но возможное явление. Именно этот образ, наряду с множеством деталей русской бытовой и социальной жизни делает сказку национальной [подробнее об этом см.: Цыганков, 2020, с. 35–46].

Пушкин не только сократил фабулу немецкой сказки, но, главное, он придал ей национальный колорит и противопоставил героев друг другу. Исследователи склонны считать это находкой самого поэта. Однако то же самое мы обнаруживаем в русских народных сказках о жадной старухе [Народные русские сказки А. Н. Афанасьева..., 1957, № 555] и, кроме того, в анекдотических сказках о супругах; в первую очередь в сюжетах «жена-спорщица» и «жена-доказчица» [Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, 1957, № 438, 441]. Сказка Пушкина близка схеме подобных текстов [ср.: Медриш, 1987, с. 97, 102–105], но и отличается от них. В народных сказках сварливая и упрямая жена не дает житья своему смиренному, спокойному, сметливому супругу, говорит и дела-

ет все ему поперек. Муж соглашается с ней до тех пор, пока ему не надоедает поведение супруги, и он придумывает способы укрощения своей жены. Сказка превращается в анекдот и завершается анекдотической концовкой, характер этой концовки может быть различным: мужик либо подшучивает над супругой, либо остроумным способом избавляется от нее. Персонажи народной сказки противопоставлены друг другу, но не абсолютно, сохраняется их сложность и неоднозначность (мужик терпелив, сметлив, покладист, но легко может утопить, заживо похоронить собственную жену). Тематика подобных сказок могла привлечь Пушкина тем, что народное сознание пытается понять причины противоречивости супружеских взаимоотношений. Жанровая природа анекдота такова, что легко синтезируется как с новеллой, так и с притчей. Пушкин, ослабляя анекдотизм мотивов о супругах, усиливает новеллистическое и особенно притчевое начало.

Своей темой социального неравенства, социального угнетения сказка о рыбаке и рыбке словоно продолжает предыдущую сказку о попе и работнике Балде, однако принципы репрезентации темы в этих сказках различны. Социальное неравенство в сказке о попе и работнике Балде дано сразу, как изначальное состояние мира и отношений. В сказке о рыбаке и рыбке оно вырастает постепенное из архаически гармоничного состояния мира, патриархального семейного равенства, и потому акцент переносится на внутреннее содержание взаимоотношений персонажей, их нравственно-психологический подтекст, приобретающий символический смысл.

Замысел Пушкина приводит к скрытой смысловой преобладности двух сказок. Если в первой поэт показывает бытие человека в мире перевернутых нравственно-философских ценностей, то во второй сказке – о рыбаке и рыбке – он стремится понять сам процесс «переворачивания» и его истоки. Основным средством для этого служит сюжет, а точнее сюжетная матрица, связанная с семантикой «выкупа», в рамках которой формируются взаимоотношения трех персонажей (действующих лиц) – золотой рыбки, старика, старухи, – трех актантов – откупающегося, посредника, требующего выкуп. Однако формирование, развитие и трансформация этих отношений изображается автором в соответствии с законами морфологии сказки, то есть после наступления «беды», нарушения запрета, отлучки героя, а в данном случае появления волшебного персонажа, полностью меняющего сложившийся ход вещей.

В зачине (исходной ситуации) сказки «Жил старик со своею старухой // У самого синего моря...» [Пушкин, 1977, с. 338] создается вневременной экзистенциальный образ земной жизни человека, его непреложной судьбы, предназначения пройти природный путь от рождения, супружества до смерти. При этом образ моря и имплицитный образ «неба» в данном случае имеет универсальную семантику, символизирует единство и неделимость Вселенной. Вспомним, что в немецком тексте есть и рыбак со своей женой, и море, и время, но все это «обывовлено», дано в масштабах человеческой жизни. У Пушкина мир сказки предстает совсем другим, свободным от земных деталей, мелочей жизни.

Первая сюжетная сцена – «Они жили в ветхой землянке // Ровно тридцать лет и три года. // Старик ловил неводом рыбу. // Старуха пряла свою пряжу» [Пушкин, 1977, с. 338] – лишена динамики, описывает состояние мира, в основе которого неизменность и гармоничность жизненного уклада. Появляется основной мифологический топос – земля, в контексте образов «моря», «неба», «земли», семантика концепта «ветхая землянка» наполняется многозначностью: землянка, жилище старика и старухи не только «старая, обветшалая, убогая», но и «древняя, вековая, извечная». Номинативные обозначения персонажей (старик, старуха) также имеют сложный смысл: это не только люди, достигшие преклонного возраста, старые, но и мудрые, имеющие большой жизненный опыт, знания [см., например: Бойко, 1979, с. 83; Минералова, 2002, с. 83]. Занятия персонажей также не случайны и символичны. «Ловля рыбы» – это еда, пропитание, кормление человека, исконное архаическое мужское занятие. «Прядение, пряжа» – символ долгой жизни, ее прядения, пуповины, судьбы, это исконно женское дело.

Максимально очищенное от бытовых деталей и подробностей повествование своей лаконичностью и мотивами (синее море, невод, ловля рыбы, чудесный улов) сближается с притчевой образностью (Лк. 5:1–11), подготавливая читателя к восприятию вечных вопросов нравственного бытия.

Зачин и первая сцена сюжета – это проекция изначального патриархально-мифологического, но никак не идиллического [см.: Сапожков, 1991] состояния мира и взаимоотношений героев.

Дальше события начинают динамично меняться, начиная с неожиданной «беды»: «Раз он в море закинул невод, – // Пришел невод с одною тинной» [Пушкин, 1977, с. 338]. Неудача при ловле рыбы – один из устойчивых мифологических мотивов (ветер переворачивает лодку с добычей,

рыбаки трудятся всю ночь, но не могут поймать рыбы). За этим мотивом, как правило, следует какое-то чудо: либо языческий владыка призывает рыбака к ответу и решает, даровать ему бессмертие или нет; либо по слову и просьбе Христа сети рыбаков наполняются рыбой. В пушкинской сказке вслед за неудачей старика появляется главное чудо сказки – золотая рыбка, сказочный персонаж, чудесный помощник. Формируется основная сюжетная ситуация и трехперсонажная система отношений.

По структуре сюжета сказка о рыбаке и рыбке относится к рекурсивным сказкам, а точнее к их разновидности – цепочечным сказкам, сюжет которых предполагает наличие звеньев цепи, когда каждое новое звено, сохраняя структуру и тему, включает в себя новую семантику [см.: Кретов, 1994]. В сюжетной матрице сказки повторяется одна и та же ситуация, при этом не меняется ни состав участников, ни фон.

В первой ситуации сюжетного сценария раскрывается реакция персонажей на появление в неводе чудесной рыбки. Старик удивился, сказал рыбке «ласковое слово», отказался от выкупа, отпустил рыбку «в синее море». Старуха старика забрала, назвала «дурачиной» и «простофилей», велела взять выкуп с рыбки. Появление чудесного персонажа проявляет нравственный статус героев, раскрывающийся в их словах, поведении и отношении к чуду. Отношение старика альтруистично, бескорыстно, самоотверженно. В старухе пробуждаются противоположные качества: эгоизм, жадность, стяжательство, высокомерие.

Пушкину важно было абсолютно разделить своих героев. Простой и универсальный рекурсивный (кумулятивный) принцип построения фабулы позволял в психологическом и этическом ключе наглядно показать коренные и вечные проблемы человеческого поведения и отношения к окружающему.

Нравственные позиции старика и старухи оказываются противоположными, и этот контраст углубляется в динамичной смене событий и движения фабулы. Сюжетная матрица сохраняется структурно, но резко меняется ее социальное, психологическое, эмоциональное и этическое наполнение: от спокойствия к напряженному драматизму и «катастрофе».

В основной части сказки Пушкина, в отличие от зачина и первой сцены, события «оживают», приобретают игровой характер, наполняются кипучим, деятельностным содержанием, психологически подлинными человеческими отношениями,

колоритными деталями житейского быта, семейного и общественного уклада.

Обычно в классических сказках события повторяются три раза, как в начале, когда старик три раза забрасывает невод в море, и только в третий раз ловит золотую рыбку. Основное же звено сюжетной цепочечной ситуации повторяется шесть раз, происходит удвоение трехкратного повторения, и это связано с семантической градацией сцен. В первых двух сценах создается образ «домашнего» мира: старуха просит новое корыто, новую избу, но не выходит за границы крестьянского мира и своего ворчливого, вечно недовольного характера. В третьей и четвертой сценах происходит пересечение социальных границ, старуха переходит в другой мир, из крестьянского в дворянский, становясь сначала столбовой дворянкой, а затем царицей, проявляя уже социальные качества (властность, авторитарность, жестокость). Наконец, в последней сцене старуха намерена перейти ту границу, за которой находится недоступный смертному человеку мир, границу человеческого и сверхчеловеческого. Пушкин, как известно, отбросил образы «римской папы», «бога» из сказки братьев Grimm «О рыбаке и его жене», напрямую намекавшие на притязания старухи к обладанию божественной природой. Поэт создал свой концепт-образ «владычица морская», связанный как с языческими мифологическими (нимфа Фетида, Дева Владычица Озера) [см.: Мифы народов мира..., 1988, с. 561–562], так и с христианскими коннотациями (Звезда моря, Богородица средневековых молитв) [см.: Новикова, 2012]. Пушкину важно было подчеркнуть именно универсальную сверхчеловеческую природу того персонажа, в которого хочет преобразиться старуха. Этот мотив характерен для сказок, начиная со сказки Апулея о девушке (женщине), влюбленной в существо божественного происхождения, которая получает право перейти из человеческого в тот запредельный мир, в котором обитают только олимпийские боги; Юпитер дарует эту награду девушке за те страшные испытания, через которые она прошла ради любви. Старуха же ничем не заслужила чести обладать бессмертием, напротив, все ее желания и поступки ведут не к награде, а к наказанию.

В отличие от народных сказок, в которых звенья цепочечного сюжета отличаются только одним из составляющих компонентов, чаще всего предикатом (поступком, действием), в ситуации пушкинской сказки на каждом этапе реализации сценария меняются все компоненты: и персонажи (старик, старуха, золотая рыбка), и их поступки, и

речи, и, главное, их психологическая и этическая реакция на происходящее.

Старуха сначала все «пуще и пуще» бранится, затем старика ругает, бьет слуг, «за чупрун таскает», отправляет старика на конюшню, бьет супруга, грозно смотрит, велит страже выгнать старика, и стража «топорами чуть не изрубила». Наконец, старуха «бунтует» против всего мироустройства и в последнем пожелании хочет его изменить. Поведение старухи все больше напоминает иррациональные действия человека с нарушенными сознанием, «объевшегося белены», обезумевшего от беспредельной алчности и бесконтрольности.

Старик не перечит желаниям старухи, беспрекословно выполняет ее распоряжения, не говоря ей ни слова. Он общается только с золотой рыбкой, именно ей каждый раз высказывает свое отношение к пожеланиям старухи, дает свою оценку происходящему: «разбранила меня моя старуха», «сварливая баба», «старуха вздурилась», «белены объелась», «насмешишь ты целое царство», «старуха бунтует», «проклятая баба». Старик и рыбка – единственные по-настоящему деятельные персонажи, откровенно оценивающие события и не меняющие по ходу сюжета свое отношение к старухе, персонажу пассивному, потребляющему и присваивающему чудеса, которые дарит золотая рыбка. Скорее всего поэтому сказка носит заглавие «О рыбаке и рыбке», а не о старике и старухе. Однако и в старике против неразумия супруги нарастает протест, который робко, единственный раз он выражает в четвертом, центральном и кульминационном, повторении ситуации, когда старуха требует сделать ее «вольною царицей», хозяйкой последней ступени земной власти: «Что ты баба, белены объелась? // Ни ступить, ни молвить не умеешь, // Насмешишь ты целое царство» [Пушкин, 1977, с. 341]. За этим должно последовать inferнальное событие полного передела мира в пользу того нравственного начала, которое олицетворяет старуха. В общении с золотой рыбкой старик остается прежним: добрым, бескорыстным, вежливым и понимающим все происходящее.

Золотая рыбка, как и море, ее стихия, ее владения, также ярко и наглядно реагируют на события: море становится все грознее, налетает «черная буря», золотая рыбка ничего не отвечает на последнюю просьбу старухи. Символизм этих образов с семантикой откупа «чем только пожелаешь» как благодарности за спасение, а также откупа как испытания ради справедливости охранения существующих границ мироздания.

Финальная сцена сказки Пушкина («Глядь: опять перед ним землянка; / На пороге сидит его старуха, / А пред нею разбитое корыто» [Пушкин, 1977, с. 343]) возвращает к началу, точно его повторяя. Так происходили эти события с персонажами на самом деле или им это только пригрезилось в фантазии? Большинство исследователей анализирует сюжет сказки как действительный, предполагая, что все описанное героиней пережили реально. Однако как могла бы тогда героиня, дошедшая до пределов эгоизма и бунта, вновь стать прежней старухой, безропотно сидящей перед разбитым корытом?

Очень часто эту сказку понимают упрощенно, как простое осуждение человеческой жадности и злобы, иногда сложнее – как резкую социальную сатиру. Подобное понимание затрагивает только внешний пласт содержания сказки, оставляя без внимания коренные вопросы человеческого бытия и сознания, поднятые в произведении. Иногда сказка понимается в экзистенциально-философском аспекте, как стремление Пушкина «воплотить важную для него идею должного, истинного взаимоотношения между людьми» [Цыганков, 2020, с. 36].

В спокойную и размеренную жизнь старика и старухи вдруг вторгается чудо, и героиня неожиданно обнаруживает непредсказуемое и противоположное к нему отношение. Его корень – в сложности и противоречивости самой человеческой природы, которая способна продиктовать человеку и бескорыстный, и предельно корыстный, эгоистический подход к окружающему миру, в котором переплетено и доброе и злое начало.

Весь сюжетный сценарий сказки представляет собой последовательное развитие нравственно-философской мысли поэта о силе заложенного в человеке эгоизма, зла и о бессилии перед ним бескорыстного, самоотверженного отношения к окружающему миру.

Проблема соотношения психологического и социального ставится поэтом на более обобщенном уровне, чем в сказке о попе и работнике Балде. Социальное зло производно от комплекса устойчивых психических особенностей человека, из которых первоначальными в формировании характера как раз и являются доброта и эгоизм, эмпатия и безразличие, общительность или замкнутость. Проблема власти также поставлена Пушкиным не в социальном, а в философском аспекте. Власть способствует проявлению в человеке отрицательного начала, ибо она предполагает всегда подчинение одного другому, стремится безгранично расширять свое влияние. Зло способно расти до определенного предела, положенного

самим мироустройством, пока оно не посягнет на овладение вселенной. Тогда в действие вступают силы высшей справедливости, и зло уничтожается [см.: Макогоненко, 1982, с. 136–141; Неклюдов, 2015, с. 210–211].

Заключение

Сюжетно-композиционная структура сказки стремится к максимальным, наивысшим обобщениям. Психологические, социальные и философские вопросы переплетены и образуют сложное и гармоничное смысловое единство. Человеческое и социальное в характере персонажей не противопоставлены друг другу [см.: Сапожков, 1991, с. 26], а между ними устанавливается сложнейшая взаимообусловленность, ищется взаимосвязь. Психологические, природные качества оказываются корнем и истоком всех индивидуальных и общественных коллизий и противоречий. Пушкин обращает наше внимание на неизведанность и бездонность человеческой души.

В то же время сказка утверждает незыблемость нравственного принципа в человеческой жизни, необходимость осознания нравственных границ, обуздания «темных» сил человеческой природы. Оставаясь по форме фольклорно-языческой, ведь персонажи взаимодействуют с природными мифологическими силами и сущностями, сказка приобретает притчевые, проповеднические черты, выражая страстный призыв к служению во имя высшего нравственного идеала, формируя представление о смысле человеческой жизни.

Библиографический список

1. Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 1. С. 134–163.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : [в 13-ти т.] / [ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1953–1959.
3. Березкина С. В. Сказки Пушкина и современная им литературная критика // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Санкт-Петербург : Наука, 1995. Т. 15. С. 134–142.
4. Бойко К. А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1976 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 113–120.
5. Кретов А. А. Сказки рекурсивной структуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. 1 (Новая серия). Тарту : Кафедра русской литературы Тартуского университета, 1994. С. 204–214.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история / [Предисл. В. В. Иванова]; Тартуск. ун-т. Москва : Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. 447 с.
7. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Ленинград : Худож. лит. Ленинградское отд-ние, 1974. 463 с.
8. Маслова Ж. Н. Введение в когнитивную поэтику: учебное пособие / М-во обр. и науки РФ, Балашовский ин-т (филиал) ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского». Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 251 с.
9. Медриш Д. Н. Фольклоризм Пушкина: Вопросы поэтики : учебное пособие по спецкурсу / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. Волгоград : ВГПИ, 1987. 72 с.
10. Минералова И. Г. Детская литература: Учеб. пособие для студентов вузов. Москва : ВЛАДОС, 2002. 174 с.
11. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х томах / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1987–1988. К–Я. 1988. 719 с.
12. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. Москва : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1957. Т. 3. 1957. 572 с.
13. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время / Российский государственный гуманитарный университет, Центр типологии и семиотики фольклора. Москва : Форум, 2015. 214 с.
14. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба: Ст. и заметки о Пушкине. Москва : Сов. писатель, 1983. 367 с.
15. Новикова М. А. «Владычица морская» у А. С. Пушкина: векторы интертекстуальности // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladychitsa-morskaya-u-a-s-pushkina-vektory-intertekstualnosti> (дата обращения: 28.01.2024).
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 4. Поэмы. Сказки / прим. Б. В. Томашевский. Ленинград : «Наука» Ленинградское отд. 1977. 449 с.
17. Сапожков С. Сказки Пушкина как поэтический цикл // Детская литература. 1991. № 3. С. 23–27.
18. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославян. сказка / АН СССР, Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.
19. Тюпа В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. Москва : Языки славянской культуры, 2010. 320 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
20. Хализев В. Е. Теория литературы : учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Высш. шк., 2004. 405 с.
21. Цыганков А. С. Философские смыслы сказок Александра Сергеевича Пушкина: гений европейского романтизма : учебное пособие / Государственный академический университет гуманитарных наук. Москва : ГАУГН-Пресс: Образование и наука, 2020. 72 с.

22. Fedor Anna. Linguistic recursion. Learning of recursion in artificial grammars by humans and a neural network. 2002. URL: https://www.academia.edu/2675261/Linguistic_recursion (дата обращения: 28.01.2024).

Reference list

1. Azadovskij M. K. Istochniki skazok Pushkina = The sources of Pushkin's fairy tales// Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii / AN SSSR. In-t literary. Moskva; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1936. Vyp. 1. S. 134–163.

2. Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochinenij : [v 13-ti t.] = Complete collection of works: [in 13 vos.] / [red. kolegija: N. F. Bel'chikov (gl. red.) i dr.]; Akad. nauk SSSR. In-t ruskoj literatury (Pushkinskij dom). Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953–1959.

3. Berezkina S. V. Skazki Pushkina i sovremennaja im literaturnaja kritika = Pushkin's fairy tales and their contemporary literary criticism // Pushkin: Issledovanija i materialy / RAN. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). Sankt-Peterburg : Nauka, 1995. T. 15. S. 134–142.

4. Bojko K. A. Ob arabskom istochnike motiva o zolotom petushke v skazke Pushkina = On the Arabic source of the golden cockerel motif in Pushkin's fairy tale // Vremennik Pushkinskoj komissii, 1976 / AN SSSR. OLJa. Pushkin. komis. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. S. 113–120.

5. Kretov A. A. Skazki rekursivnoj struktury = Fairy tales of recursive structure // Trudy po ruskoj i slavjanskoj filologii. Literaturovedenie. T. 1 (Novaja serija). Tartu : Kafedra ruskoj literatury Tartuskogo universiteta, 1994. S. 204–214.

6. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhij mirov: Chelovek-tekst-semiosfera-istorija Inside thinking worlds: Man-text-semiosphere-history / [Predisl. V. V. Ivanova]; Tartus. un-t. Moskva : Jazyki rus. kul'tury: Koshelev, 1996. 447 s.

7. Makogonenko G. P. Tvorcestvo A. S. Pushkina v 1830-e gody. = A. S. Pushkin's work in 1830s. Leningrad : Hudozh. lit. Leningradskoe otd-nie, 1974. 463 s.

8. Maslova Zh. N. Vvedenie v kognitivnuju pojetiku = Introduction to cognitive poetics : uchebnoe posobie / M-vo obr. i nauki RF, Balashovskij in-t (filial) FGBOU VPO «Sarat. gos. un-t im. N. G. Chernyshevskogo». Tambov : Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2014. 251 s.

9. Medrish D. N. Fol'klorizm Pushkina: Voprosy pojetiki = Pushkin's folklore: Poetics issues : uchebnoe posobie po spekursu / Volgogr. gos. ped. in-t im. A. S. Serafimovicha. Volgograd : VGPI, 1987. 72 s.

10. Mineralova I. G. Detskaja literatura = Children's literature : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moskva : VLADOS, 2002. 174 s.

11. Mify narodov mira = Myths of the word : jenciklopedija: v 2-h tomah / gl. red. S. A. Tokarev. 2-e izd.

Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1987–1988. K–Ja. 1988. 719 s.

12. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva = A. H. Afanasiev. Folk Russian fairy tales : v 3 t. Moskva : Goslitizdat. [Leningr. otd-nie], 1957. T. 3. 1957. 572 s.

13. Nekljudov S. Ju. Pojetika jepicheskogo povestvovanija: prostranstvo i vremja = Poetics of epic narration: space and time / Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, Centr tipologii i semiotiki fol'klora. Moskva : Forum, 2015. 214 s.

14. Nepomnjashhij V. S. Pojezija i sud'ba: St. i zametki o Pushkine. = Poetry and fate: Articles and notes on Pushkin. Moskva : Sov. pisatel', 1983. 367 s.

15. Novikova M. A. «Vladychica morskaja» u A. S. Pushkina: vektory intertekstual'nosti = A. S. Pushkin's The Lady of the Sea: intertextuality vectors // Mirovaja literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladychitsa-morskaya-u-a-s-pushkina-vektory-intertekstualnosti> (data obrashhenija: 28.01.2024).

16. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10-ti tt. = Complete collection of works: in 10 vols. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom); T. 4. Pojemy. Skazki / prim. B. V. Tomashevskij. Leningrad : «Nauka» Leningradskoe otd. 1977. 449 s.

17. Sapozhkov S. Skazki Pushkina kak pojeticheskij cikl = Pushkin's fairy tales as a poetic cycle // Detskaja literatura. 1991. № 3. S. 23–27.

18. Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov: Vostochnoslavjan. skazka = Comparative plots index: East Slavic tales / AN SSSR, Otd-nie lit. i jaz. Nauch. sovet po fol'kloru, In-t jetnografii im. N. N. Mikluho-Maklaja; sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. 437 s.

19. Tjupa V. I. Diskursnye formacii: Oчерki po komparativnoj ritorike. = Discourse formations: Essays in comparative rhetoric. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. 320 s. (Kommunikativnye strategii kul'tury).

20. Halizev V. E. Teorija literatury = Theory of literature : uchebnik. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva : Vyssh. shk., 2004. 405 s.

21. Cygankov A. S. Filosofskie smysly skazok Aleksandra Sergeevicha Pushkina: genij evropejskogo romantizma = Philosophic meanings of Alexander Pushkin's fairy tales: the genius of European Romanticism : uchebnoe posobie / Gosudarstvennyj akademicheskij universitet gumanitarnyh nauk. Moskva : GAUGN-Press: Obrazovanie i nauka, 2020. 72 s.

22. Fedor Anna. Linguistic recursion. Learning of recursion in artificial grammars by humans and a neural network. 2002. URL: https://www.academia.edu/2675261/Linguistic_recursion (data obrashhenija: 28.01.2024).

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 25.04.2024; approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024